

М. Д. ЗВЕРЕВ



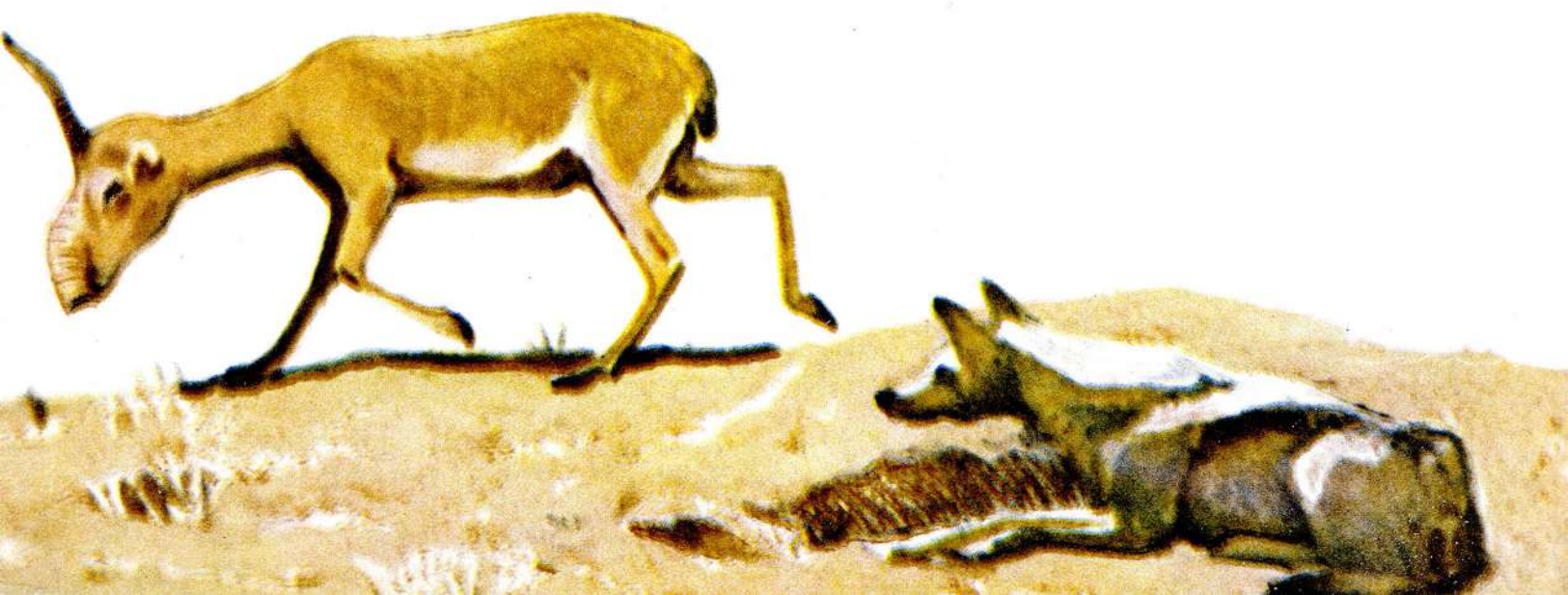
ВОЛ-
ЧО-
НОК
из БЕТ-
ПАК-
ДАЛЫ

ИЗДАТЕЛЬСТВО • МАЛЫШ •

ИЗДАТЕЛЬСТВО

•МАЛЫШ•

МОСКВА • 1965



М. Д. ЗВЕРЕВ

ВОЛЧОНОК *из* БЕТ-ПАК-ДАЛЫ

РИСУНКИ Г. НИКОЛЬСКОГО

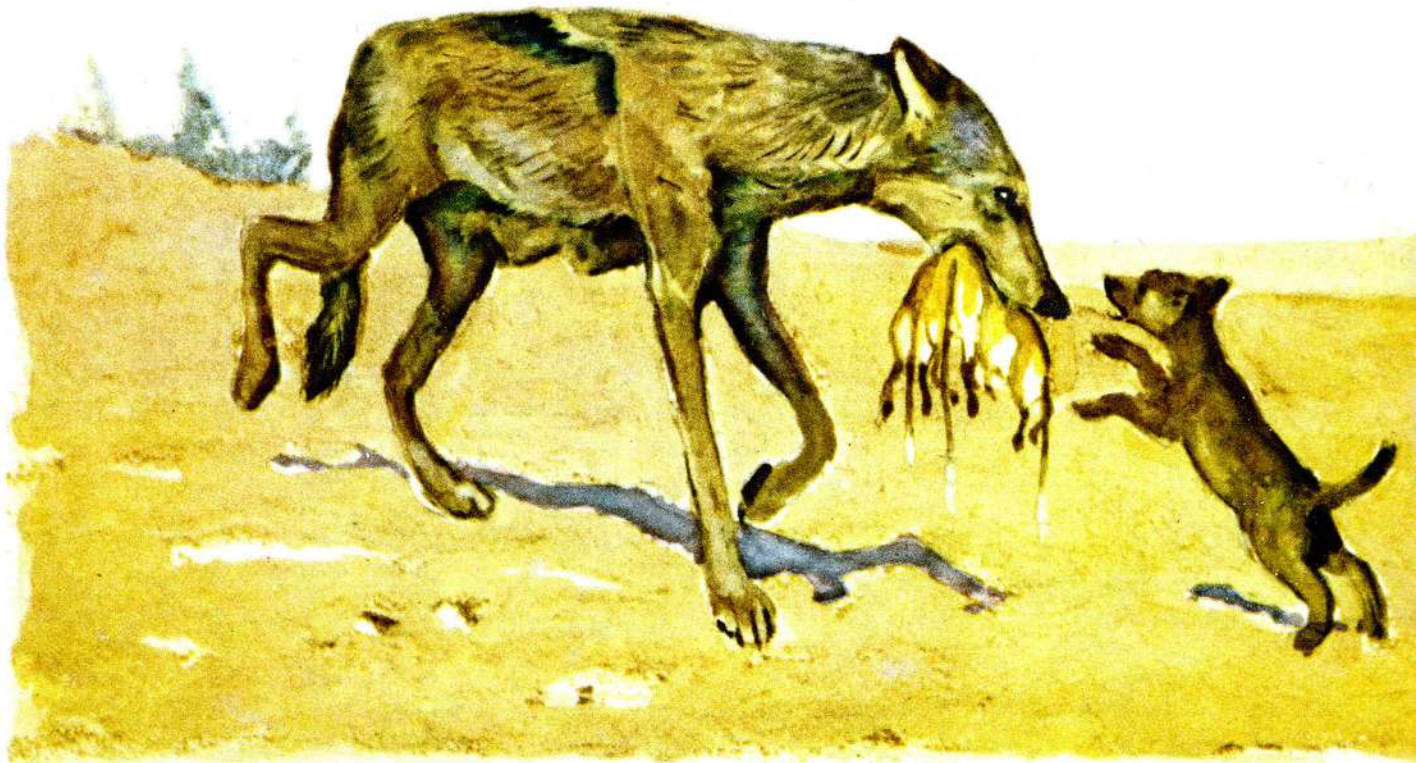


SHAMAN57
2020

Глинистая почва только кое-где покрыта сизоватой полынькой. Редкие кустики тамариска с нежно-розовыми цветущими веточками далеко видны среди безбрежной равнины. В низинах белеет соль и похрустывают красноватые сочные солянки.

Кажется, не может быть жизни в этой безводной пустыне.

Но слышится журчание ручейка—это жаворонки весело распевают в воздухе. Этим птичкам достаточно влаги в их пище—насекомых.



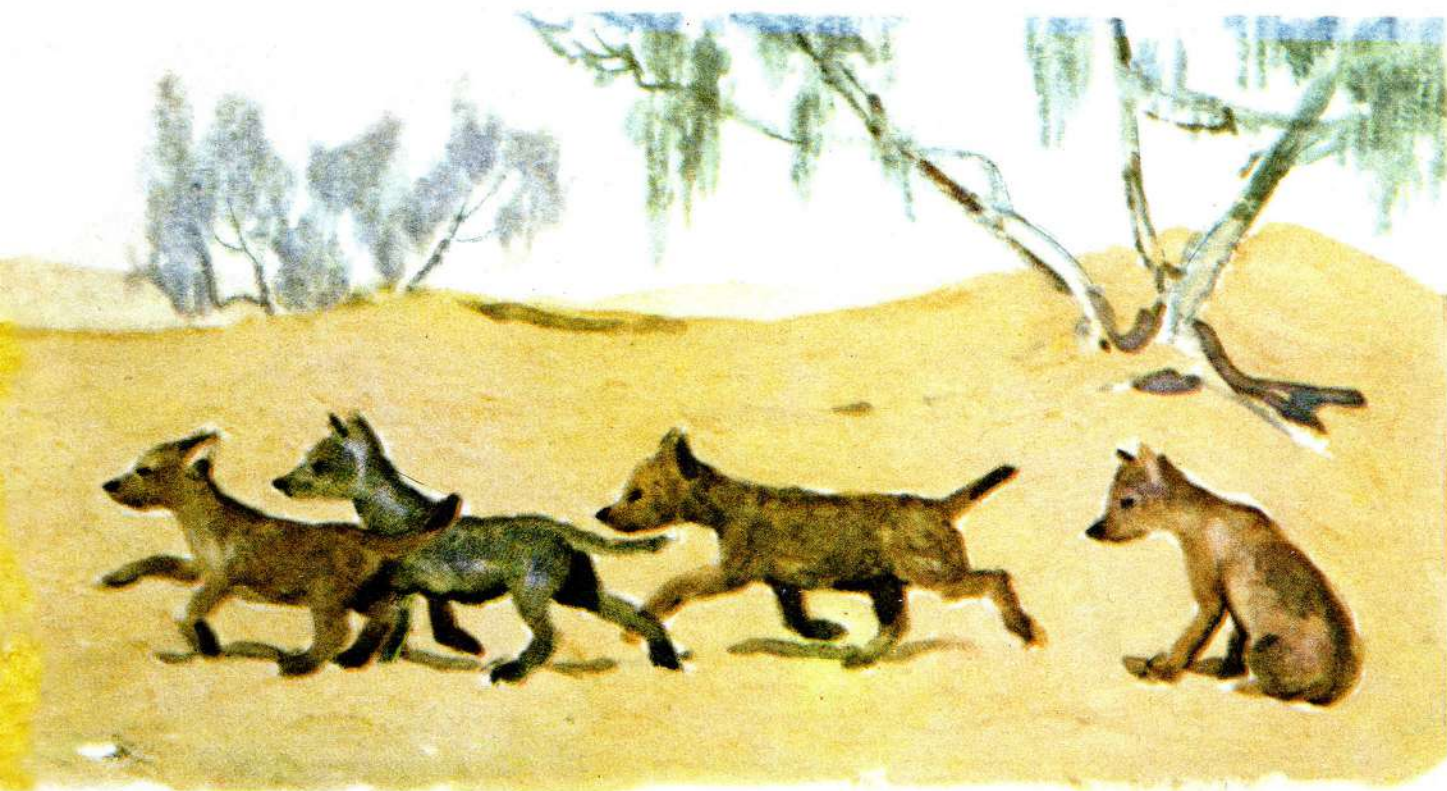
Вдали кто-то свистнул. Вот свист ближе, ещё ближе, и теперь видно, как перед своими норками встают колышками зверьки, похожие на сусликов. Это песчанки. Они волнуются и пищат не случайно—мимо них крупной рысью бежит облезлая, худая волчица, с набухшими сосками и с тремя песчанками в пасти.

Громко предупреждая друг друга об опасности, песчанки ныряют под землю перед самым носом волчицы и опять осторожно выглядывают из норок, когда она пробегает дальше. Так они передают сигнал тревоги от одного поселения песчанок до другого, и волчица не может застигнуть зверьков врасплох.

Волчица скрылась из вида, и опять всё кругом кажется безжизненным. Только стремительные пустынные ящерицы перебегают иногда от одной пустой норки до другой, прячась в спасительной тени. Да крупные жуки-чернотелки не спеша ползут по своим делам, далеко выделяясь на сером фоне чёрными сросшимися над-

крыльями, которым никогда не суждено раскрыться и дать возможность жуку взлететь, жёсткие надкрылья—это его броня, предохраняющая от испарения влаги.

Но вот песчанки опять тревожно запищали: вдали снова показалась волчица. Ровной, быстрой рысцей она пробежала мимо, не обращая внимания на зверьков, и скрылась за небольшими буграми. Конечно, у неё где-то недалеко есть волчата, и это для них она ловит и носит песчанок.



За далёкими буграми волчица перешла на шаг и поползла. Но и здесь песчанки заметили её и тревожно запищали. Тогда волчица притаилась без движения за куртинкой полыни.

Прошло немало времени, пока песчанки успокоились и стали отбегать от норок всё дальше и дальше. Нежные кончики ветвей саксаула около затаившейся волчицы привлекли двух песчанок. Вдруг лёгкий шорох—и зверь серой тенью метнулся на песчанок, отрезав им дорогу к норкам. Щелчок зубов, другой—и с двумя зверьками в пасти волчица потрусила опять по равнине, а за ней—снова писк песчанок, стихающий вдали.

Из-под корявого поваленного ствола саксаула около большого песчаного бархана навстречу волчице с радостным визгом выскочили пять волчат из небольшой ямки-логова. В пустыне волки не всегда роют норы—здесь нет дождей и нет врагов, от которых волчатам надо прятаться.

Ещё громче „приветствовали“ волчицу песчанки, их здесь было множество: волчица убегала за добычей подальше, оставляя для подрастающих волчат нетронутыми богатые охотничьи угодья.

До позднего вечера волчица носила песчанок своим щенятам.

Короткие южные сумерки сменила тёмная ночь. На чёрном небе высыпали звёзды. Песчанки попрятались до утра в норы. Улеглась и волчица около своих волчат. Всё семейство серых разбой-



ников уснуло до утра в логове. Тихо повизгивают и чмокают волчата во сне, да время от времени старая волчица приподнимает настороженно голову и жадно нюхает воздух.

Едва скрылось солнце, как пустынные тушканчики стали головками выталкивать из норок песчаные пробки. Выскочив из норки, тушканчики мгновенно растворились в густых сумерках позднего вечера, и только цепочки следов утром могут рассказать о таинственной ночной жизни этих крошечных песчаных эльфов. Лишь когда полная луна заливает пустыню сказочным голубоватым светом, можно видеть стремительные игры тушканчиков. Они гоняются друг за другом, мелькая белыми кончиками длинных хвостиков, неожиданно бросаются в стороны, перепрыгивают друг через друга, кружатся—и всё это в гробовой тишине, как привидения, без малейшего шороха: настолько легки эти удивительные создания. Под утро тушканчики искусно затворят „двери“ в свои норки из-

нутри песком и весь день будут спать, свернувшись клубочком в гнезде прохладного подземелья.

Посапывая и громко хрустя пойманными жуками-чернотелками, торопливо бегают по ночам в пустыне колючие ёжики. Им некого здесь бояться. Даже пустынные сычи не нападают на них, предпочитая ловить беззащитных тушканчиков.

Волчата растут не по дням, а по часам. С каждым днём старой волчице всё труднее прокормить своё ненасытное потомство.



Хотя волчата уже гоняются с азартом за песчанками, но всё без толку. Только горстки песка, поднятого задними лапками зверьков, нырнувших в нору, попадают в раскрытые пасти волчат. Немало ещё пройдёт времени, пока волчата станут незаметно подкрадываться к песчанкам или терпеливо караулить их около нор, глотая слюну, как это делает старая волчица.

* * *

Зоологическая экспедиция раскинула лагерь около родника, недалеко от волчьего бархана. Чудесный весенний вечер уже сменялся ночными сумерками, когда закончили ставить палатки. Заря быстро гасла. С каждой минутой делалось холодней. Пение жаворонков и посвистывание песчанок смолкли. Но в тёмном небе, казалось, под самыми звёздами, всё чаще и громче раздавались

знакомые голоса диких уток и куликов. Заканчивался их массовый весенний пролёт. Птичьи стаи пересекали пустыню точно на северо-восток. По их крикам можно было ночью определить страны света.

Утром два студента-зоолога отправились в экскурсию. Всюду саксаульники были сильно повреждены песчанками. Эти пустынные грызуны объели кончики ветвей саксаула на большой площади. Местами саксаульники обратились в сухие, мёртвые заросли.



—Смотри, волк!—показал один из студентов в сторону большого бархана.

И в самом деле, худая крупная волчица выскочила из-за бархана навстречу людям неожиданно для себя и для них. Со всего разбега она остановилась, взрыв песок, и сразу бросилась в сторону. Как бы спохватившись, волчица вдруг захромала на одну, а затем и на другую ногу. Так, ковыляя и непрерывно оглядываясь на людей, волчица медленно скрылась в зарослях саксаула.

—Вот досада, не взяли ружья!—воскликнул студент.

—Это она от волчат отводит, хромой притворяется! — ответил другой.—Место для логова самое подходящее: родник рядом и масса песчанок. Идём её следом!

Следы на песке легко привели людей к бархану с волчьим логовом у подножья.

Услышав шаги, волчата, радостно махая хвостиками и скуля,

выскочили навстречу людям. Но чужой запах мгновенно вздыбил шерсть на загривках, а белые оскалы крошечных ещё молочных зубов красноречиво сказали, что малютки готовы постоять за себя! Только один волчонок продолжал вилять хвостиком и не скалился.

Волчата были ещё настолько безопасны, что студенты одного за другим спокойно брали за шиворот и совали в рюкзак.

Волчат поместили в пустой фанерный ящик. Они забились в угол и сверкали оттуда зубами. Но убитых песчанок и разведён-



ный молочный порошок в чашке съедали с дракой, как только их оставляли одних.

Совсем иначе вёл себя один из них. Стоило подойти к ящику, как он вставал на задние лапки, скрёб передними стенку, скулил и отчаянно вилял хвостиком. Невероятно, но он просился на руки к людям! Это было настолько удивительно, что все едва дождались возвращения начальника экспедиции. Он был опытный зоолог.

—Я знаю несколько таких случаев,—сказал зоолог, беря в руки волчонка.—У меня два года жил хорёк, и больше года—рысь. Очень забавные были.

—Чем это объяснить?

—Пока надо накапливать факты. Пусть волчонок бегают по лагерю. Я думаю, что он никуда не убежит. Возможно, такие „ручные“ дикие животные и попадают в первую очередь под выстрелы охотников. А охотники приписывают это своей доблести!

Начальник экспедиции оказался прав. Волчонок бегал по лагерью, ко всем ласкался и раздулся шариком от подачек, которые ему каждый давал. Ни разу он даже не подошёл к ящику, где сидели его братья и сёстры.

Наступил вечер. После ужина все разошлись по палаткам и молча слушали голоса перелётных птиц, смотря в потемневшее небо, рассеченное звёздами. Чем становилось темней, тем всё громче скулили и скреблись волчата в фанерном ящике, не давая никому уснуть.

—Отнесите ящик с этими чертенятами подальше от палаток!— раздался, наконец, раздражённый голос начальника экспедиции из глубины спального мешка, куда он забрался, спасаясь от шума.

А удивительный волчонок мирно спал в одной из палаток, вздрагивая во сне, повизгивая и подёргивая лапками.

Утром все проснулись раньше обычного от громкого возгласа шофёра.

—Товарищи, волчат нет!

Крупные волчьи следы около ящика красноречиво говорили, что волчица ночью перетаскала куда-то волчат.

Через десять минут по следам волчицы бросились несколько человек, на бегу заряжая ружья.

Более километра следы были хорошо заметны на песке. Ровная, прямая цепочка ямок бесконечным пунктиром уходила вдаль от лагеря. Взрытый же рядом через метровые промежутки песок

говорил о том, какими огромными прыжками волчица возвращалась к лагерю за следующим щенком.

Но вот следы зверя вышли на гладкий, твёрдый такыр¹. На нём не было видно следов. Такыр тянулся далеко, от него в стороны отходили другие такыры. Волчица искусно использовала твёрдую,



¹ Такыр—плоская глинистая равнина среди песков в пустынях и полупустынях Средней Азии.

как асфальт, поверхность такыра: погоня вернулась в лагерь ни с чем! Навстречу людям радостно бросился волчонок. Волки не способны считать. Волчица перенесла четырёх волчат, в ящике их больше не оставалось—и этого было для неё достаточно, чтобы успокоиться.

* * *



Две недели лагерь экспедиции находился около родника.

Маленького зверёныша называли Волчком. Он всюду следовал за людьми во время работы в пустыне. Щенок то и дело бросался на песчанок, но ему доставалась только струйка песка в жадно открытую пасть от задних лапок зверька, когда тот исчезал в норе перед самым носом Волчка. Приходилось ловить песчанок и давать волчонку. Больше двух песчанок он не мог съесть и, раздувшись, устало плёлся за людьми, сразу утратив ко всему интерес. Стоило остановиться—и Волчок тут же валился на песок и засыпал. Нужно было его будить, прежде чем идти дальше.

Иногда над уснувшим волчонком потешались: люди ложились за куст тамариска и бросали в Волчка фуражкой. Щенок просыпался, зевал и нехотя поворачивал лобастую голову вправо, но там никого не было! Он резко поворачивал голову влево—и там никого нет! Тогда Волчок быстро вскакивал, поджимал хвост, озираясь, приседая на задние лапы, и вдруг с жалобным визгом при-

нимался носиться взад и вперёд: он искал людей! И когда находил—неподдельный щенячий восторг был настолько ярко выражен, что невольно вызывал смех.

Большеголовый, с толстыми непослушными лапами и голубоватыми глазками, Волчок сделался любимцем всех участников экспедиции.

Работы около родника закончились. Однажды утром палатки были убраны, и всё имущество экспедиции погрузили на машину.

Последний осмотр места лагеря—и начальник экспедиции сел в кабину.

—Поехали!—сказал он шофёру.

Машина вздрогнула, качнулась и плавно двинулась вперёд, набирая скорость.

Волчок послушно сидел на коленях начальника экспедиции. Щенок присмирел и собрался в упругий комочек. Насторожив уши, он тревожно смотрел вдаль и чуть слышно иногда повизгивал.



А навстречу летели родные просторы пустыни. С „ветерком“ машина проносилась по „асфальту“ такыров и с рёвом всползала на песчаные гребни. Всё чаще стали встречаться щебнистые участки почвы. И к вечеру пески и барханы низовой реки Чу сменили бескрайние просторы Бет-Пак-Далы.

Начальник экспедиции с интересом следил за волчком: хвостик его был засунут между задними лапками и словно прилип к животу. Временами волчонок вздрагивал и как-то по-особенному взвизгивал, словно хныкал. Казалось, крошечное животное понимало, что покидает свою родину. Впрочем, вечером на ночлеге Волчок как ни в чём не бывало резвился около костра в незнакомой чужой местности.

К городской жизни волчонок привык быстро. Держали его на цепочке в саду. Вечером после работы с ним ходили гулять, когда

затихало движение. Но только первые дни волчонок поджимал хвост и жался к ногам провожатого. А потом не стал обращать внимания ни на людей, ни на машины. Только гудение проводов по-прежнему казалось волчонку невероятно страшным.

Собаки при встрече поджимали хвосты, дыбили шерсть на загривках и перебегали на другую сторону улицы с каким-то виноватым, не то обиженным видом. Все они выросли в городе и никогда не встречались с волками, но запах зверя воскрешал в них



безотчётный страх перед ним, унаследованный от далёких предков, живших сотни и даже тысячи лет тому назад.

Только щенок Лори подружился с волчонком. Оба длинных, висячих уха Лори были как бы приспособлены для того, чтобы Волчок мог трепать их, и они всегда были мокрыми после возни двух щенят. Волчок и Лори играли друг с другом до полного изнеможения и тут же валились и засыпали непробудным сном.

Деликатность Волчка удивляла всех—Лори бесцеремонно вырывал лучшие куски прямо изо рта волчонка, хотя и был слабее и меньше ростом.

Волчонок быстро рос и мужал. К осени он сделался красивым, стройным молодым волком с пышной шерстью.

Жил Волчок на цепи около конуры, но относился к этому собачьему домику с полным пренебрежением и ни разу не залез туда. Даже во время осенних дождей он предпочитал спать под

открытым небом, свернувшись кольцом и подставив под себя пушистый хвост.

Наступила зима. Лобастая голова Волчка с пушистыми бакенбардами, полукруглые уши и опущенный хвост отличали его от собак. Но странное дело, он продолжал оставаться ручным и ласковым не только с людьми, которых хорошо знал, но и каждому незнакомому человеку приветливо махал хвостом.

Затем наступила весна. Пора было ехать в экспедицию и на этот



раз на Дальний Восток. Взять с собой Волчка было невозможно. Его отдали на звероферму серебристо-чёрных лисиц. Там он просидел на цепи всё лето.

Надо было видеть радость Волчка, когда за ним приехали осенью хозяева! Он прыгал, визжал, лизался, стараясь попасть горячим языком прямо в лицо, и бешено носился по двору, гремя цепью.

Наступила вторая зима. Волчок оставался прежним ласковым и кротким зверем на удивление всем. Только сделался более уравновешенным и солидным.

Характер Волчка оставался по-прежнему воплощением миролюбия. Ничего не стоило научить его возить санки. Это вызывало нестерпимую зависть у встречных мальчишек. Во время зимних экскурсий в лес за ремень от его хомутика держались двое лыжников, и он возил их, свесив язык и распугивая встречных спортсменов. Волчка отвязывали в лесу, и он никуда не убегал от людей.

Как сторож двора Волчок никуда не годился—он ласкался к каждому человеку.

Благодарил за ласку Волчок по-своему. Он легонько чесал зубами руку или ногу человека—„искал блох“! Или валился на спину, поднимал лапы и принимал позу полной беззащитности. А если ещё ему в это время чесали живот, то он мог лежать так сколько угодно.

Двухгодовалый красивый зверь был настоящим певцом! Если



начинали издавать голосом протяжные звуки высокого тона, то Волчок немедленно вылезал из-под стола, где он любил лежать, и начинал сначала скулить, а потом и „петь“. Подняв морду к потолку, он „запевал“ очень высоким тоном, а затем без передышки из „тенора“ становился „баритоном“ и заканчивал „басом“. При этом Волчок приходил в сильное беспокойство, однако стоило его поласкать, как он успокаивался и укладывался опять под стол на свой хвост.

Наступила весна, и начались сборы на летние работы в пустыню. На этот раз Волчок был тоже участником экспедиции.

Вот и просторы Бет-Пак-Далы. Тот же родник, и лагерь экспедиции около него, как два года назад, недалеко от песчаного бархана, под которым родился Волчок. Но около бархана нет больше волчьего логова. Старая волчица навсегда бросила это место,

после того как люди унесли её волчат. Мало ли других подходящих мест в пустыне для устройства логова?

Первые шаги Волчка в пустыне были очень робкими. Вытянувшись и поджав хвост, он обнюхивал незнакомые предметы. Около лагеря было множество песчанок, и охоту на них Волчок быстро освоил. Он засовывал морду в норку по самые уши и что есть силы с шумом выдыхал воздух в нору. А потом быстро скидывал голову и озирался по сторонам. Если песчанка находи-

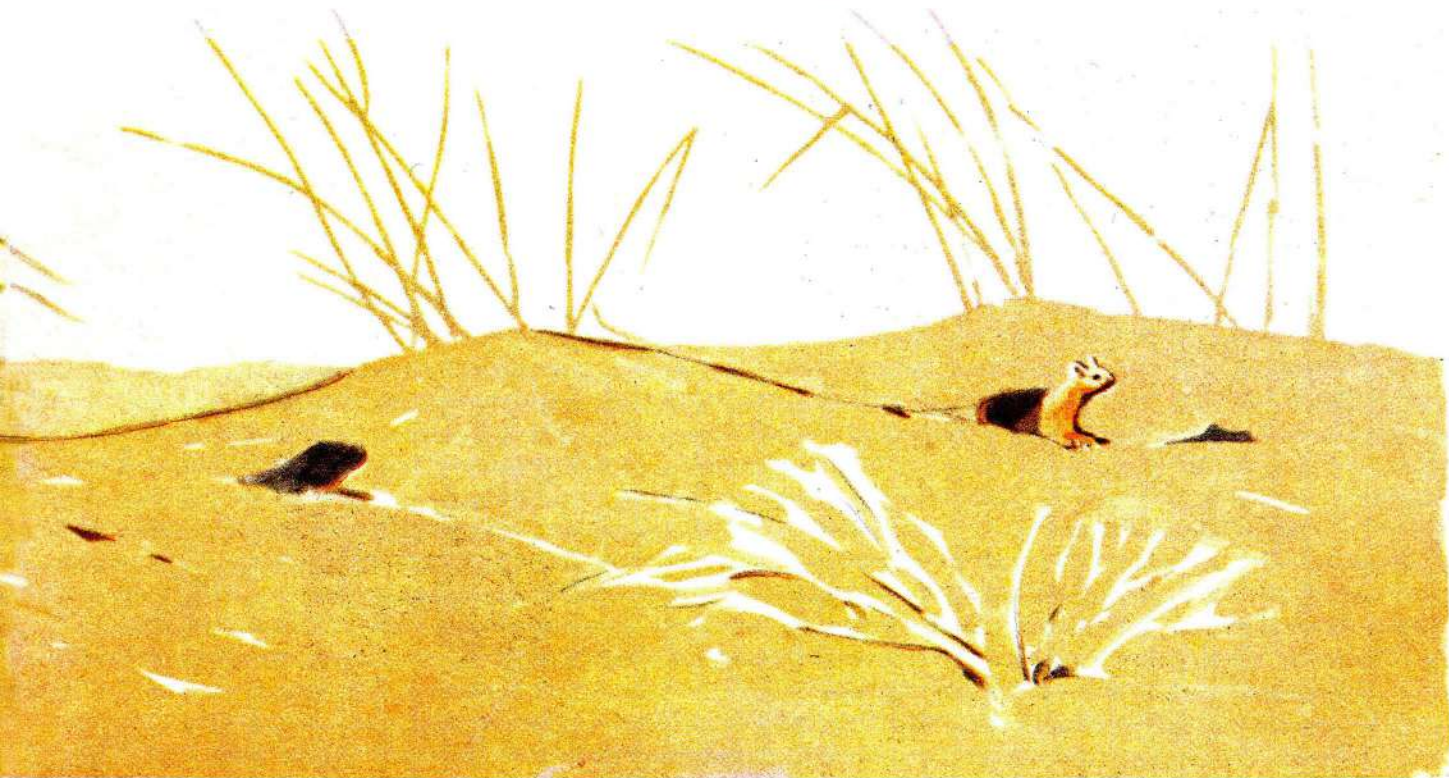


лась близко, она испуганно выскакивала на поверхность по другому выходу и... попадала в зубы волка. Он глотал их, не жуя, как пельмени. Но чаще зверьки не выскакивали. Тогда начиналась осада. Волк ложился около норки, положив морду на вытянутые передние лапы, и терпеливо ждал, когда напуганные песчанки успокоятся и вылезут сами. Кто научил его этому? Точно так охотилась его мать и миллионы предков. Волчок унаследовал эти навыки от них.

Через несколько дней Волчок перестал ловить песчанок около лагеря, а стал убегать по утрам далеко от палаток и охотиться только там. К полудню он являлся в лагерь с раздутыми боками и заваливался спать в тени от палатки. Эта привычка добывать корм подальше от „дома“ передалась ему по наследству, однако сейчас она была явно бессмысленна. Никаких „врагов“ он, конечно, не мог привлечь к лагерю. Но волк относился к лагерю как к своему логову.

Так прошло около недели. Никто не опасался, что Волчка подстрелят охотники во время его завтраков—на сотни километров кругом в пустыне не было ни одного человека.

Однажды утром Волчок как обычно убежал охотиться за песчанками. Люди в лагере заканчивали завтрак и готовились к дневным работам. В это время высоко в небе раздался рокот пропеллера. Небольшой двукрылый самолёт сделал круг над лагерем, спикировал, сбросил вымпел и взмыл ввысь. Покачав крыльями,



ми, самолёт развернулся и полетел обратно. Сброшенная записка была краткая, как телеграмма: „Германия объявила войну. Даю час на сборы. С предельной скоростью возвращайтесь в город“. И знакомая властная роспись директора института, подкреплённая печатью, заканчивала записку.

Все забежали, засуетились, мешая друг другу. Раньше чем через час имущество было погружено на машины. Люди сели, не было только Волчка. Но ведь он вернётся не раньше полудня—не ждать же его несколько часов? И машина умчалась вдаль. Поднятая пыль осела. Дым от костра погас. Волчок остался один на своей родине в пустыне.

Вернулся волк в полдень. Присев на задние лапы и поджав хвост, он испуганно огляделся. Совсем как в детстве, когда его будили брошенной фуражкой. Но на этот раз люди не спрятались—их больше не было! Волчок неистово заметался там, где стояли

палатки, машина, жили люди-друзья. Теперь здесь был только горячий песок.

Вдруг Волчок решительно бросился по следу машины. Опустив нос вниз и нюхая след, он помчался вдогонку, напрягая все силы.

Мчаться в полуденный зной было тяжело—обильный завтрак мешал. Кроме того, мешал бежать ветер. Он делался всё сильнее, неся песчаную позёмку. След машины стал угадываться с трудом. И, наконец, следы совсем исчезли. Волчок бросался из стороны в сторону, возвращался назад, делал круги, но всё напрасно—следа не было.

Волчок едва нашёл в себе силы добраться обратно к роднику. Он пролежал у воды до вечера.

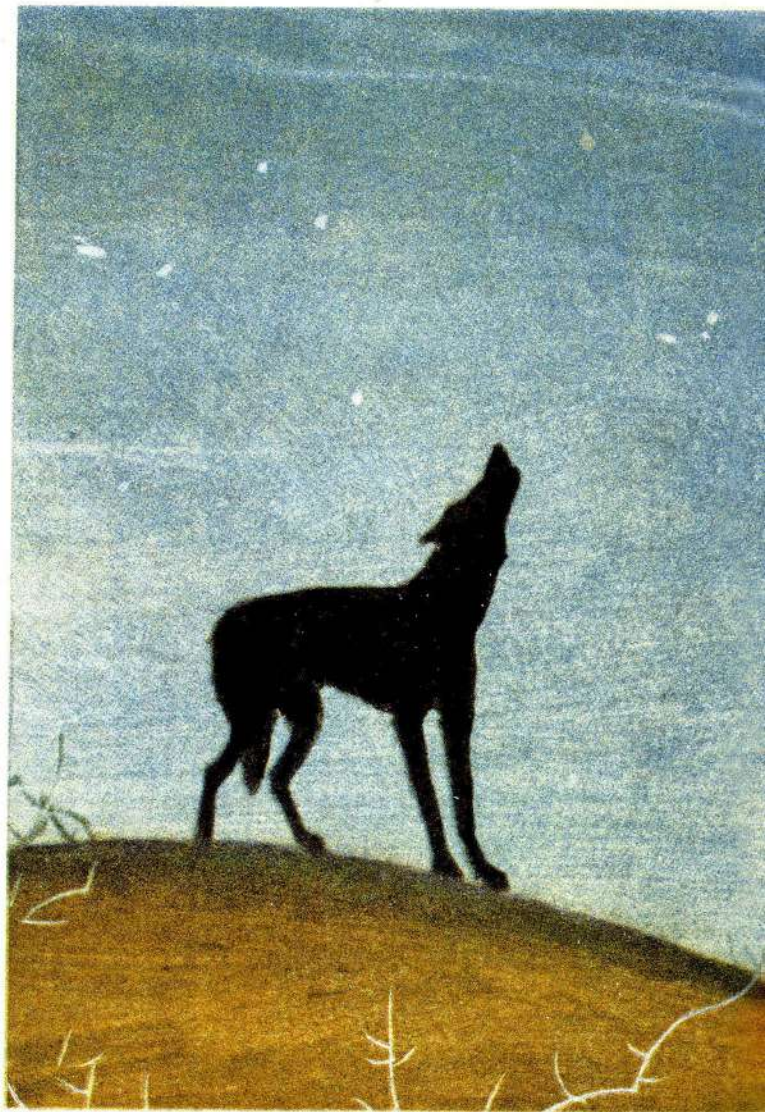
Всю первую ночь Волчок выл до хрипоты. Он впервые в жизни остался один...

* * *

Прошло несколько лет. Волчок одичал, привык жить со своими дикими родичами и перенял все их привычки. Ловля песчанок, ящериц и крупных жуков стала для него попутным занятием. Как и другие волки в пустыне Бет-Пак-Дала, он сделался „пастухом“ антилоп-сайгаков.

Ранней весной сайгаки бредут на север неисчислимыми стадами вслед за тающим снегом. На ходу они пасутся и ни на что не обращают внимания. Стремление вперёд всецело овладевает ими. Тысячелетиями их предки делали такие же перекочёвки, и сайгаки не могут поступать иначе.

За несколько дней до резкого весеннего потепления они трогаются с зимовок, видимо, чувствуя близкую перемену погоды. Только там, на краю пустыни Бет-Пак-Дала, в прохладных степях Сары-Арака их стада остановятся, разбредутся и всё лето будут нагуливать жир на богатых пастбищах. А осенью, когда начнутся дожди и на такырах в пустыне появится вода, сайгаки так же неудержимо двинутся за тысячу километров на юг к зимовкам око-



ло реки Чу и в песках Муюнкума. Они бредут не спеша, недалеко табунок от табунка, растянувшись от горизонта до горизонта.

А за сайгаками идут волки семьями и даже стаями. Но всему можно привыкнуть, и сайгаки привыкают к своим „пастухам“. Волки шагают гуськом за табуном, у него на виду, и сайгаки не пугаются, а идут своим путём.

Волки избегают нападать на табун. Но горе сайгаку, если он отстанет. Его сейчас же окружают волки—и спасенья сайгаку нет!

Впрочем, не напрасно называют волков „пастухами“ сайгаков. Они в трудные минуты жизни помогают сайгакам, конечно, не сознательно, а невольно. Когда летняя жара высушит такыры и многие родники в пустыне иссякнут, сайгаки попадают в беду при своих перекочёвках. Жажда начинает мучить животных. Они уже не шагают спокойно, пощипывая на ходу полынку, а мечутся по пустыне от одного родника до другого, где раньше была вода. Но обычно в смятении сайгаки не находят её, хотя подпочвенная вода в Бет-Пак-Дале кое-где залегает неглубоко. А волки чувствуют её и делают то, на что не способны сайгаки — они начинают рыть ямы. То и дело сменяясь, высунув языки, перепачканные землёй, они с азартом роют землю, отбрасывая её задними лапами. В ямах появляется вода. Отталкивая друг друга, рыча и скалясь, волки пьют и уходят. А потом из волчьих ям пьют сайгаки.



Волчок давно обзавёлся своей семьёй. Каждую весну он устраивал логово с одной и той же волчицей, как подобает хорошему семьянину. Он всегда бежал впереди, то и дело оглядываясь,— следует ли она за ним. Но волчица послушно трусила сзади, пока они не встречали поселения песчанок или не замечали более крупную добычу—сайгаков. Способ охоты загоном был прекрасно усвоен супружеской парой. Волчица сразу залегала за кустиком тамариска. Это означало, что Волчок должен бежать в загон и

направить на это место сайгака. Волк круто разворачивался и мелкими размеренными прыжками издалека по большому кругу начинал обегать сайгаков так, чтобы можно было гнать их по ветру. Сайгаки мирно паслись и не подозревали опасности. Но вот один из них заметил волка. Зверь шёл медленным шагом не на сайгаков, а немного в сторону. Сайгак топнул передней ногой. Остальные насторожились и уставились на волка. А тот подходил всё ближе, временами останавливался, что-то нюхал на земле и опять шёл.



Словом, он явно был занят своим делом. Бегают сайгаки вдвое быстрее волка. Стоит ли тут волноваться? Но всё же осторожность берёт перевес, и табунок сайгаков быстрыми семенящими шажками начинает отходить в сторону. Самый опытный чабан не мог бы с таким искусством подгонять своих овец к намеченной точке, как это проделывал волк! Без всякой спешки он ловко гнал сайгаков, заворачивал их, а если они отклонялись в сторону, опять слегка нажимал. А когда они бросались бежать, ложился. Сайгаки останавливались и оглядывались по сторонам.

Но вот до волчицы уже недалеко. И когда сайгаки повернулись головами в её сторону, Волчок бросился на них. Табунки дружно сорвался с места и легко понёсся вперёд. Прямо перед ними, как из-под земли, выскочила волчица—мгновенное замешательство сайгаков, и она уже повалила ближайшего.

Весной у супругов появлялись волчата в открытом логове под

корнями саксаула или в норе, а иногда в расширенном лисьем подземном жилище. Первое время волчица не отходила от малюток, но Волчок приносил ей столько песчанок, что она не успевала их съедать. В середине июня волчата подрастали, и волчица начинала водить их на охоту. Она долго ползла к песчанкам, а щенята ползли за ней, подражая её движениям. Это были самые настоящие уроки. Долго не клеилась охота у волчат. Слишком велико было их нетерпение, да и толстые ноги ещё плохо слушались.



Всё же волчата уже умели ловить песчанок, когда наступало время двигаться к северу за сайгаками.

Так шли годы. Весной забота о потомстве, потом привольная жизнь „пастухов“ сайгаков.

Но беда подкараулила Волчка.

Случилось это ранней весной, когда кругом горели огоньки тюльпанов. Как всегда в это время день и ночь в воздухе шумели стаи перелётных птиц. На залитых водой такырах плескались утки, гоготали гуси и важно расхаживали журавли.

Залитые водой такыры весной похожи на большие озёра. Но вода едва лишь покрывает их. Странно смотреть, когда жительница мелководья—цапля—намеревается сесть на середину этого временного водоёма почти за километр от берега. Планируя, цапля опускается всё ниже и не садится на воду, а встаёт: ей, оказывается, вода всего до колен!

Волчок бежал крупной рысью по мягкой сизоватой полынке между двух такыров, вспугивая уток. За ним бежала волчица. Наступала пора появления на свет волчат. Волки бежали к знакомым местам, где они ежегодно выкармливали маленьких волчат песчанками. Ещё с осени Волчок выкопал логово для волчицы в мягкой почве. Теперь, когда земля оттаяла всего на несколько сантиметров, это сделать было бы трудно.

Как раз в это время у небольшого возвышения остановилась



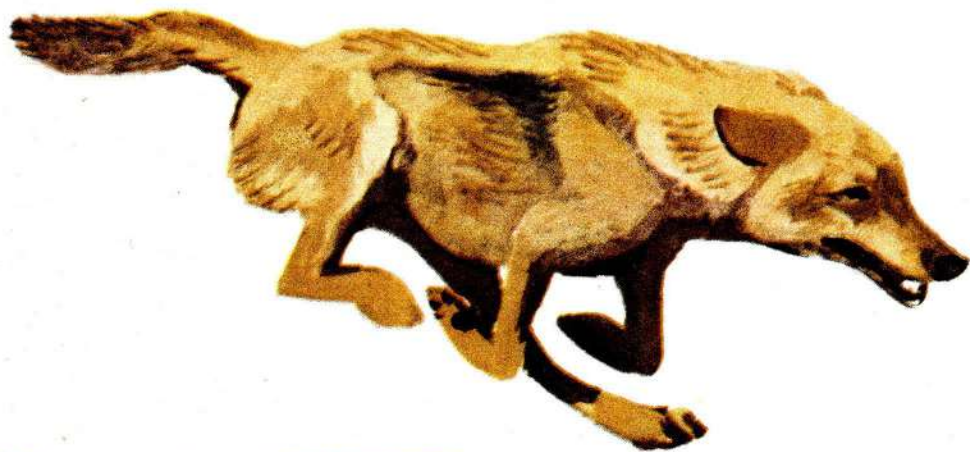
„Победа“. Хлопнула дверца, и на капот взобрался человек без сапог, в одних носках. В сильный десятикратный бинокль он стал осматривать пустыню по кругу. Отгремела война, и люди могли возвратиться к работе в пустыне.

—Есть пара, вон там между такырами!—воскликнул человек, соскакивая и быстро садясь в машину. „Победа“ понеслась по ровной щебнистой пустыне, прослоенной пятнами дымчатой полынки. С каждой минутой „Победа“ наращивала скорость, покачиваясь на рывках и сверкая на солнце никелем и лобовым стеклом.

Волчица первая заметила необычный предмет, летящий на них. Она поджала хвост и трусливо ткнулась в задние ноги Волчка. Он оглянулся и тоже поджал хвост. Через мгновение оба волка крупными скачками понеслись по пустыне. Шум машины позади напоминал Волчку что-то далёкое, хорошо знакомое. Но сверкаю-

щий „зверь“ явно гнался за ними, а волки повинуются своим законам, хорошо ими усвоенным: „Всё, что убегает—слабее тебя, это твоя добыча, а всё, что наступает на тебя—сильнее, отступай сам!“ И оба волка отступали, всё быстрее перебирали они ногами, взметая чуть заметную пыль. Но машина неудержимо нагоняла их.

Волки понеслись изо всех сил, казалось, они были готовы выскочить из собственных шкур! Но более пятидесяти километров в час



они не могли сделать, а стрелка спидометра на „Победе“ показывала цифру восемьдесят. Через несколько минут погони сжатые пальцы на лапах у волков стали распускаться, следы становились шире, и звери сбавили скорость. Но они продолжали мчаться, стелясь над землёй и свесив набок язык. Их плечи стали мокрыми от слюны и дыхания. Волчок впереди, за ним волчица. Даже в такие страшные для них минуты волчица не смела обогнать супруга.

Машина нагнала волков. Чёрное дуло ружья высунулось в правое окошечко „Победы“. Сухо щёлкнул выстрел.

Волчица кубарем полетела через голову. Картель на близком расстоянии сразила её наповал.

Волчок рванулся влево от машины и стал уходить. Но шофёр прижал руль коленом, и его ружьё высунулось в левое окошечко. Стукнул выстрел, и Волчка обожгло, как огнём. Он на ходу

яростно укусил себя за место, где горела рана, но скорость не сбавил.

Машина развернулась и погналась за Волчком, быстро приближаясь. Через две-три минуты жизнь Волчка оборвалась бы, как и волчицы, но его спасли... песчанки! Начались места, куда бежали волки для устройства логова. Всюду показались норки зверьков, и сами они с криком стали подниматься на задние лапки, как колышки. „Победа“ запрыгала по норкам, резко сбавив скорость. Пружины и рессоры не могли сдерживать тяжёлый корпус машины, и он громко стучал по раме. Охотники тихим ходом поехали обратно своим следом за убитой волчицей.

А Волчок всё бежал и бежал, подальше от страшного места. Временами он останавливался, зализывал рану на боку и опять бежал к северу.

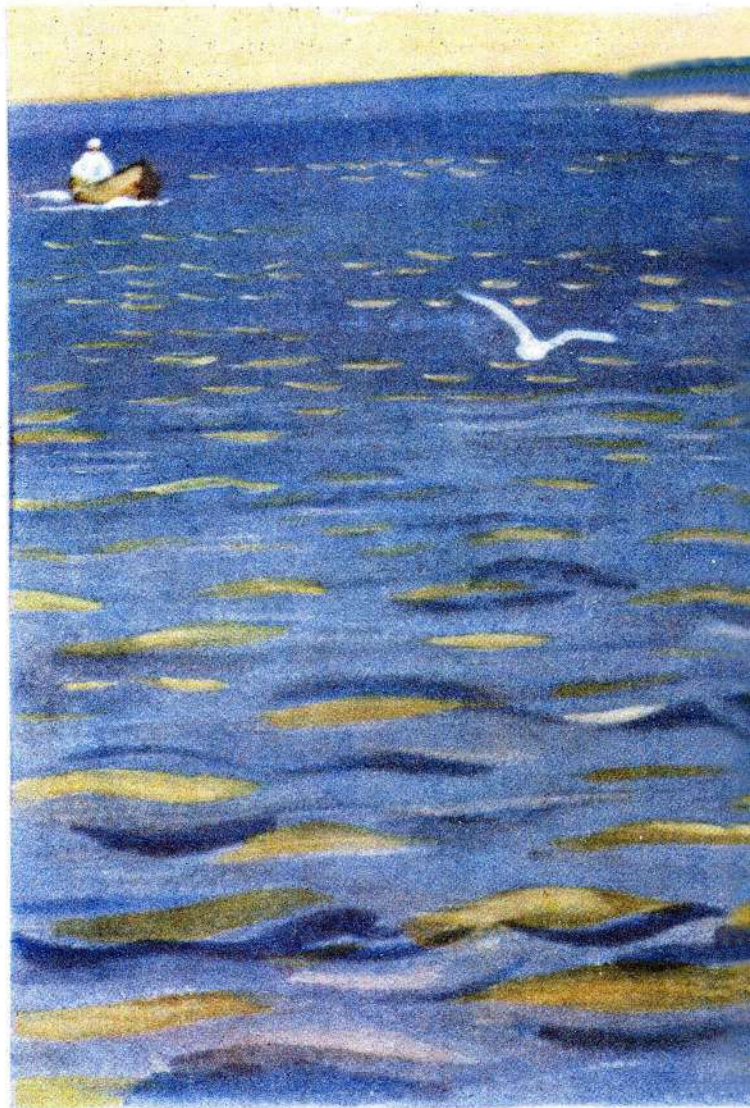
Подобрав волчицу, охотники поехали дальше. До вечера ещё два волка оказались в багажнике.

Стан охотников был около родника. Две „Победы“ каждый день разъезжали по пустыне. Семьдесят тысяч „пастухов“ сайгаков были уничтожены в Бет-Пак-Дале сразу после войны охотниками-волчатниками. Сайгачьи стада стали быстро увеличиваться. Волки не сдерживали больше их размножение в пустыне, и количество сайгаков в Бет-Пак-Дале приблизилось к двум миллионам—начался их промысел. Сотни тонн дешёвого мяса стали получать города и сёла Казахстана.

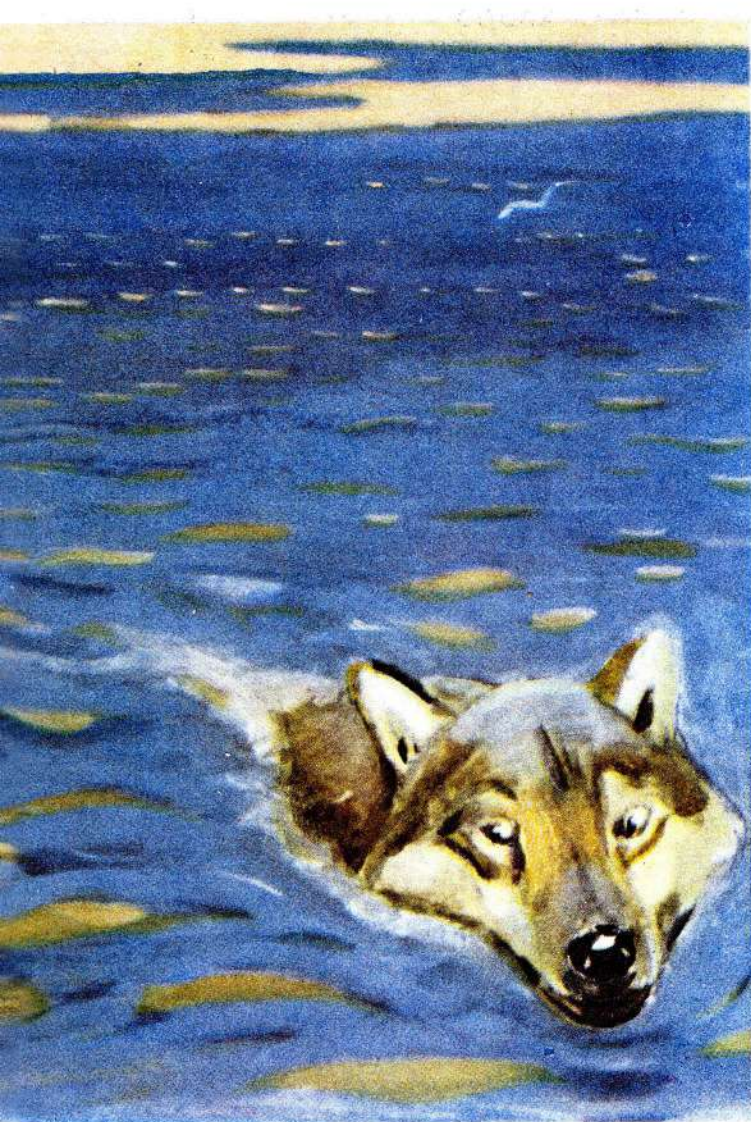
* * *

Прошёл ещё год. Волк один бродил по пустыне. Он постарел. Ему всё труднее было прокормиться. Не было уже той силы и сноровки.

И вот как-то на краю пустыни Волчок увидел отары овец, вер-



ховых чабанов и сторожевых собак. Видел он их и раньше, но всегда сворачивал в сторону, так как был сыт. Возможно, он свернул бы и в этот вечер, если бы внезапная гроза не заставила его забиться под густой куст селитрянки. Быстро стемнело. Раскаты грома слышались всё ближе и ближе. Хлынул проливной дождь.



Страшный удар грома и ослепительная молния разразились над самой отарой. Овечьи головы сразу взметнулись вверх, и овцы в диком ужасе бросились врассыпную в темноту ночи. Такая гроза в пустыне—величайшая редкость. Овцы пробегали рядом с кустом, где лежал Волчок. Одна из них налетела прямо на куст, хотела перепрыгнуть его и застряла. Ну как было не задавить такую овцу?

Лёгкость, с которой Волчок справился с такой крупной, но совершенно беззащитной жертвой, с этой ночи сделала его заклятым врагом овечьих отар. Он ушёл за ними, навсегда покинув пустыню Бет-Пак-Дала.

* * *

На пути овечьих отар встретилась река Или. Овец перевезли на больших лодках. Но для Волчка никто переправы не приготовил. Он остановился на берегу в нерешительности. Шум на реке стих, и пыль от последней отары овец стала удаляться на том берегу. Впервые в жизни видел он так много быстро текущей воды,

шершавой от небольшого ветерка. Волчок сел и долго смотрел на ту сторону.

Река была безлюдна. Пустыня обрывалась прямо в воду, чтобы начаться опять на той стороне, с песчаными барханами, таковыми и солонцами.

Пыль от овечьих отар удалялась всё дальше от берега. Волчок бросился в воду и поплыл. Течение подхватило его и стало сносить. Островок на середине реки манил к себе густыми зарослями.

тугаев. В них цокали фазаны, ворковали горлицы, на прибрежном песке пищали кулички. Но волка снесло, и остров оказался выше его по течению. Зверь повернул и поплыл к нему. Однако, как Волчок ни перебирал лапами в воде, остров уходил всё дальше. Сил волка оказалось недостаточно, чтобы преодолеть быстроту течения, и он опять повернул поперёк реки к противоположному берегу.

В это время бакенщик грузил на острове хворост в лодку. Он увидел плывущего волка. Схватив на берегу длинную палку, ба-



кенщик прыгнул в лодку. Завести подвесной мотор было делом одной минуты—он послушно затарахтел, и лодка, описав полукруг, понеслась поперёк реки.

Волчок в это время перевалил за середину. Услышав за собой шум двигателя, зверь прижал уши, и лапы его задвигались изо всех сил. Но тарахтенье двигателя сзади нарастало с каждым мгновением.

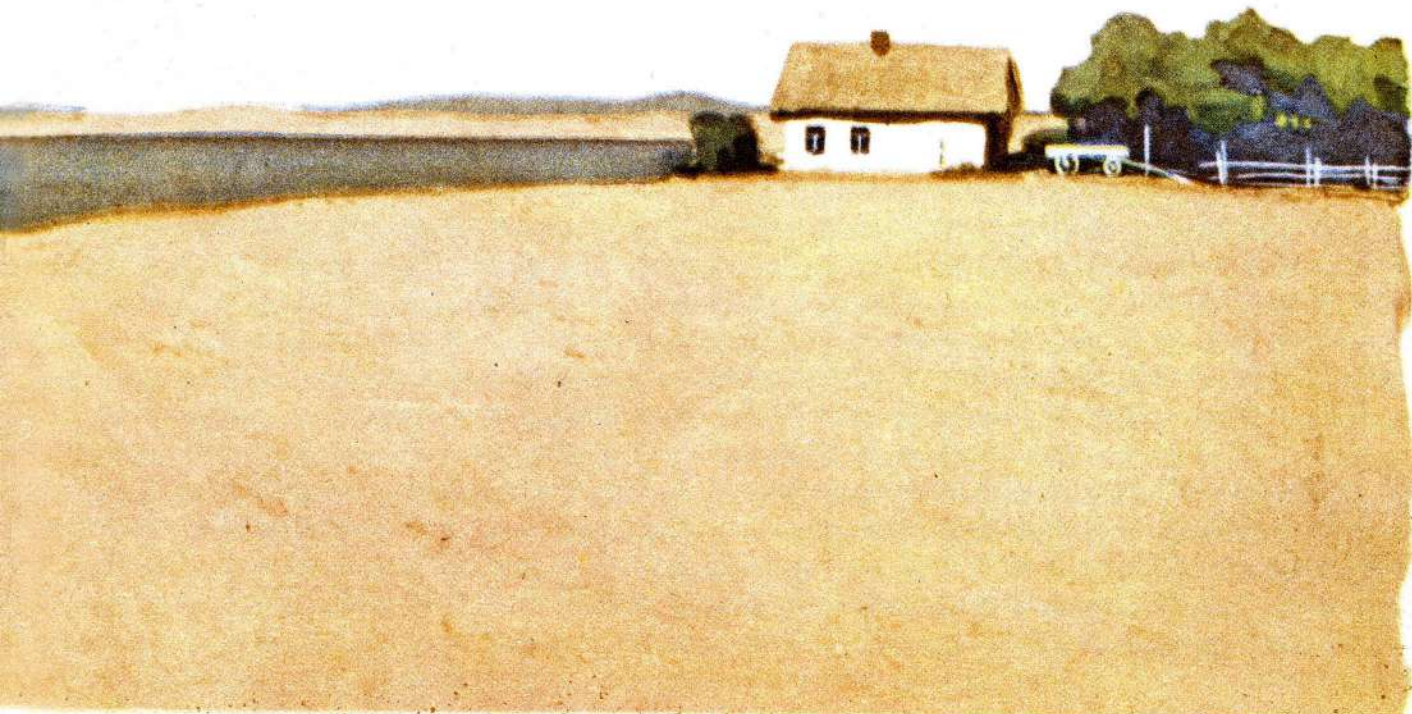
Сердцу зверя оказалось не под силу состязаться с тремя лошадиными силами подвесного мотора. Пахнуло бензином, и нос лодки поравнялся с головой Волчка. Бакенщик вскочил, размахнулся и тяжёлой палкой со всех сил ударил по голове волка, целясь между ушей. Но бакенщик не учёл скорости движения зверя, и удар пришёлся не по голове, а по шее. Волчок окунулся с головой под воду, лязгнул зубами и резко сбавил скорость, захлебываясь и кашляя.

Лодка промчалась мимо. Бакенщик теперь должен был сделать широкий круг, чтобы снова приблизиться. А берег был уже недалеко.

Волчок оправился от удара и плыл к берегу, напрягая все силы. На берегу играли двое маленьких внучат бакенщика. Они с интересом смотрели, как прямо к ним плывёт собака.

—Айда в избу! Бегом!!—закричал бакенщик.

Он уже повернул лодку и опять нагонял волка, но понял, что



зверь первый доплывёт к берегу и разорвёт детей.

Дети слышали крик деда, но разве можно было уйти, когда к ним подплывала „собачка“?!

В дверях домика бакенщика показалась мать детей. Одного взгляда на реку было достаточно, чтобы понять всё. Неистовый крик разнёсся по берегу:

—Вася, Надя, сейчас же домой! Слышите?!

Голос матери сразу подействовал. Ребята послушно вскочили, но было уже поздно. Из реки на мелкое место у берега с шумом вырвался огромный мокрый волк. В два прыжка он оказался около детей. Девочка упала и заплакала. Мальчик стоял рядом, опустив руки. Зверь промчался мимо детей, обдав их брызгами. С треском волк вломился в прибрежный кустарник. Качнулись вершинки кустов—и всё стихло.

Мать бросилась к детям. Они уже сами с плачем бежали к ней.

Наступила весна. В горах Тянь-Шаня она особенная. Здесь не чернеют дороги и не свисают с крыш сосульки, потому что снега очень мало, и он сходит сразу после первых тёплых дней. Нет здесь и пряных весенних запахов талой свежей земли на проталинах. Скалы и россыпи только кое-где уступают место пятнам земли с жёсткой травкой—типчаком. Не залетают в горы и первые певцы весны—скворцы и жаворонки. Зима в безлесных голых скалах почти сразу сменяется летом.



Отары овец одна за другой пошли на летние выпасы мимо кордона егеря охотничьего хозяйства в Кокпекском ущелье. Овцы брели не спеша, опустив головы и на ходу пощипывая типчак.

Волчок не упускал случая воспользоваться прогоном овец. Он залегал где-нибудь за камнями и ждал, греясь на солнце и щурясь. Волчок переворачивался то на один бок, то на другой, и каждый раз на камнях оставались клочки его зимней шерсти.

Вот раздались звуки шумной отары. Волк приник к земле и весь напрягся, как пружина, готовая стремительно ударить.

Всё ближе овцы. Передние совсем недалеко. Вожак овечьей отары, старый бородатый баран, уже прошёл камни, за которыми притаился волк; лёгкий шорох—и волк прыгнул на ближайшую овцу.

Так безнаказанно Волчок пировал на пути прогона овец. Днём Волчка не было видно. Но он неотступно следовал за какой-нибудь отарой, прячась за буграми и в промоинах. Забегал

вперёд или, пропуская овец, плёлся сзади. Ежедневно он нападал на новую отару, поэтому для чабанов это было каждый раз неожиданностью.

* * *

Задолго до заката солнца старший чабан кричал собакам:

—Кругом!

С лаем собаки бросались вперёд и останавливали овец на ноч-



лег. Все тысяча пятьсот овец сначала стояли огромной светло-серой массой, понуро опустив головы, а затем ложились. Чем холоднее была осенняя ночь, тем теснее прижимались друг к другу овцы.

Красный шар-солнце в вечерней дымке нижним краем коснулся степи на горизонте, и чёрные тени стали быстро заполнять низинки, незаметные днём. Слабый ветерок пахнул распаренными за день травами, а потом крутнул с другой стороны и всё перекрыл густым овечьим запахом. В вечерних сумерках ярко загорелся костёр, и аромат баранины из котла над огнём унёсся далеко в степь, будоража аппетит Волчка.

Место, где ляжет на ночь отара, выбиралось каждый раз тщательно. Но мышиную норку очень легко не заметить! И на этот раз одна из овец улеглась прямо на выход из жилой норки полёвки.

Чабаны поужинали, покурили и заснули у костра. Собаки дремали около овец. Из отары доносились вздохи, покашливание и чиханье овец.

Ночь была безлунная, и только яркие звёзды мерцали в тёмном небе. Из степи тянуло терпким запахом полыни, и нудно неслись бесконечные трели пустынных сверчков. Одни собирались группами, и их ансамбль был далеко слышен. Интересно, что все сверчки пели в унисон, как одно насекомое.



Две „звёздочки“ тускло блеснули на ближайшем бугре. Это были глаза Волчка. Он лежал, положив голову на передние лапы, и жадно нюхал запах овец. Но ветерок говорил, что там люди и собаки. Это удерживало зверя на месте.

В полночь под боком овцы, дремавшей на норке, кто-то зашевелился. Овца в ужасе вскочила и шарахнулась в сторону. Что тут началось! Тысяча пятьсот овец разом бросились в темноту ночи во все стороны. Залаяли собаки, закричали чабаны, но топот тысяч копытцев разбежавшихся овец заглушал всё...

Волчок в эту ночь вдоволь отведал тёплой баранины.

Весь день чабаны собирали разбежавшихся овец. Многих доставало.

—Ищи, ищи!—кричали чабаны собакам.

Собаки уносились за далёкие бугры и, высунув языки, пригоняли одну или несколько овец.

— Ищи, ищи!—опять кричали чабаны, и собаки убегали снова на поиски.

Трёх овец не хватало: их разорванные остатки лежали в клочьях шерсти за бугром.

* * *

Поздней осенью старый волк появился в горах около Кокпектинского ущелья. Ночью со двора кордона егеря исчез козлёнок ан-



горской белой козы. Утром около дома нашли кровь и клочья шерсти. На грязи у дороги виднелись отпечатки „башмаков“ волка. Это Волчок ночью задавил и унёс козлёнка.

Егерь направился по следам с ружьём наготове. За перевалом на берегу ручья было много белой шерсти козлёнка. Здесь волк пожирал добычу. Но не мог же он съесть всё без остатка?

Егерь внимательно осмотрелся кругом. В одном месте на берегу трава была вырвана, а вода в роднике казалась мутной. На дне торчала трава, засыпанная камнями.

Оказалось, что на дне родника волк вырыл яму, спрятал там остатки козлёнка и засыпал их камнями вперемешку с травой. Даже в жаркую погоду мясо в холодном роднике долго не испортилось бы. Это был настоящий холодильник!

На дне родника около закопанных остатков козлёнка охотник

насторожил капкан и засыпал его мелкими камешками. Вода должна была скрыть запах железа.

Прошло двое суток. Волк не приходил.

Он пришёл только на третью ночь, но проявил удивительную осторожность. Через воду Волчок почуял железный капкан на дне родника. По следам было видно, что волк несколько раз обошёл кругом свой холодильник, перескакивая через родник, а затем пролез к воде через куст и вытащил мясо, не дотронувшись до капкана!

Егерь долго стоял около родника, удивляясь почти разумной способности зверя избегать опасности. С пустым капканом на плече он вернулся домой. В этом поединке человека и волка победил зверь.

* * *

Два седых человека, зоолог и егерь, осторожно развешивали на маленьких аптекарских весах порошки люминала и нембутала.

—Пятьдесят процентов животных при стрельбе, ловле капканами или при отравлении ядами не попадают в руки охотника и гибнут напрасно, — говорил зоолог. — Вот почему, Мартын Павлович, так важно... перейти на добычу животных снотворными веществами. Если уснувшее животное не будет вовремя подобрано охотниками, оно будет продолжать жить.

—А вы не могли бы помочь поймать волка? Второй год он водит меня за нос! — попросил Мартын Павлович.

—Что ж, это удобный случай проверить дозировки снотворных веществ. Идёмте, сделаем приманку!

Вечером четверть килограмма мясного фарша, смешанного с двенадцатью граммами люминала, было положено на склоне горы.

С первыми звёздами на потемневшем небе Волчок встал с дневной лёжки на солнцепёке, потянулся и потрусил на поиски добычи.



Почти за километр ветер сказал чуткому носу зверя о мясе в начале ущелья. Голодный Волчок прыжками понёсся вверх по склону. Чем ближе и сильнее был запах мяса, тем короче становились прыжки волка.

Несколько раз Волчок обошёл по кругу кусок фарша, всё приближаясь к нему и глотая слюну. Но запаха железа решительно нигде не было. Волчок осмелел, весь вытянувшись подкрался, схватил комок фарша и не жуя проглотил. Но тотчас необычайная горечь люминала сигнализировала старому волку, что в мясе таится какая-то опасность. Тут же Волчок отрыгнул обратно фарш и, поджав хвост, убежал. Эта способность освобождать желудок от негодной пищи у всех волков развита необычайно.



С первыми лучами солнца три вороны увидели фарш.

Осторожные птицы сели в сторонке и важной походкой начали подходить к мясу. Солнечные лучи лоснились на их чёрных, как смола, крыльях. Вороны подошли к приманке с трёх сторон и остановились на одинаковом расстоянии, словно не решаясь переступить какую-то невидимую запретную черту. Наконец, одна из ворон как-то по-воровски боком подпрыгнула к приманке, клюнула её и отскочила. И в следующее мгновение вороны с жадностью набросились на фарш. У птиц вкусовые ощущения очень слабые, и вороны не почувствовали

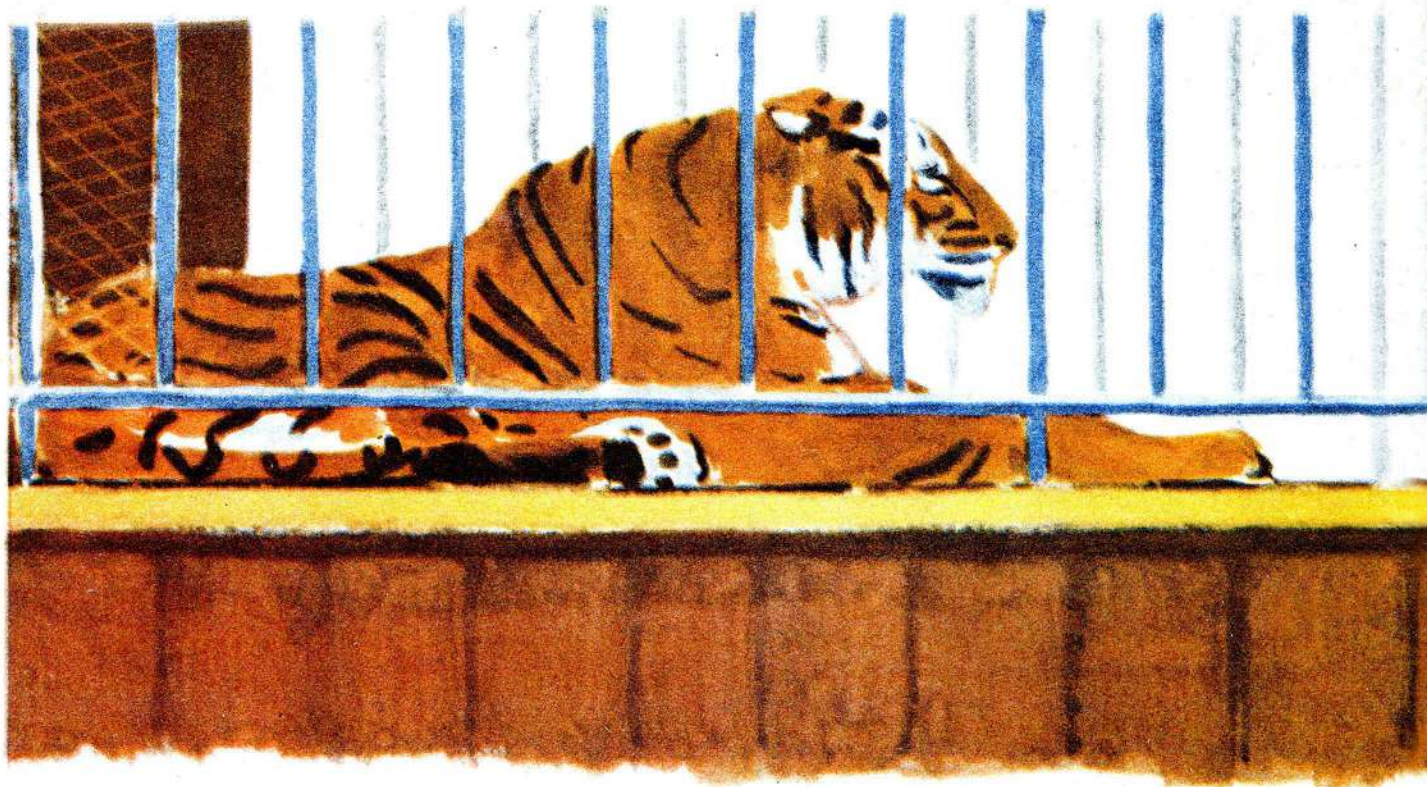
люминала. Самая старая съела больше всех. Она тут же уснула, чтобы больше не проснуться. Волчья доза люминала смертельна для птиц. Вторая ворона съела совсем немного из остатков, недоеденных старой вороной. Заплетающимися шагами, развесив крылья, она немного отошла, ткнулась носом в землю и уснула.

С сонной вороной егерь и зоолог вернулись на кордон. Новый план поимки волка созрел у них.

Вечером, когда ворона проснулась, они намазали её перья желатиновым раствором с глицерином. Раствор был пропитан двумя снотворными порошками: нембутал действовал сразу, но недолго, а люминал не сразу, но зато длительное время.

Ворону унесли в ущелье и привязали за лапку к колышку, вбитому на склоне горы.

На этот раз Волчка удалось перехитрить. Он под утро наткнулся на ворону, съел её всю вместе с перьями и побежал



дальше по ущелью. Но ему нестерпимо захотелось спать: действие снотворного началось. Веки смыкались, и Волчок с трудом открывал их, словно они были склеены. Ноги стали заплетаться и вскоре задние совсем отказались служить. Волчок немного прополз на передних, а затем свалился и уснул.

—Я увезу его в зоопарк в сонном состоянии,—заявил зоолог,—интересно проверить способ перевозки сонных зверей. Там он проснётся в клетке, и мы проследим, не отразилось ли всё это на его здоровье. Но помогите дать ему ещё небольшую дозу снотворного, чтобы он не проснулся в дороге.

Пасть Волчка приоткрыли и за корень языка влили раствор люминала.

Зоолог уехал в город вместе со спящим Волчком. Он и не подозревал, что это тот самый волк, которого он совершенно

ручным бросил в пустыне Бет-Пак-Дала в грозные дни начала войны.

Но когда машина остановилась во дворе квартиры зоолога и встречать хозяина выбежал старый глухой охотничий сеттер Лори, все поразились поведению собаки. Сначала она, зачуяв волка, поджала хвост. Но когда Волчка вынесли на брезенте из машины и положили около крыльца, сеттер вдруг завилял кончиком хвоста, сначала под животом, а потом весело и размашисто направо и



налево. Всё поведение старой собаки Лори ясно говорило, что она рада этой неожиданной встрече и ничуть не боится огромного зверя.

—Кажется, твоя любимица сходит с ума от старости!—сердито сказал зоолог, обращаясь к жене.

Волчку дали ещё раз небольшую дозу снотворного и отвезли в зоопарк для наблюдений. Там Волчок проснулся в большой железной клетке.

Он медленно поднял сначала голову, потом сел, оглянулся и вдруг вскочил, поджав хвост. Отовсюду пахло лисицами, барсуками, дикими кошками. Их запахи перебивали незнакомые—енотов, тигров и других зверей. Волчок вскочил и, шатаясь, бросился вперёд.

Железная решётка отбросила его обратно, и он упал, но опять вскочил и всю ночь бился в клетке. К рассвету волк привык к

размерам своего помещения и упруго бегал из конца в конец, как и другие звери в своих клетках.

Утром подошёл зоолог в белом халате и что-то долго записывал, поглядывая на Волчка.

Однообразно потекли дни в неволе. Но плен пошёл на пользу старому зверю. Он поправился на готовой пище. Шерсть у него стала лосниться, и посетители зоопарка всё чаще останавливались около его клетки, поражаясь размерами волка.



Прошло несколько лет. Давно подход сеттер Лори. Старый волк почти лишился зубов, но его кормили мясным фаршем, и он чувствовал себя превосходно. Волчка усыпляли ещё много раз. Снотворные порошки не оказывали никакого вредного действия на зверя. Это можно было считать установленным фактом. Около клетки вывесили яркий большой плакат: он рекомендовал охотникам пользоваться снотворными порошками вместо капканов и ружей.

„Почему волк не старится?—думал седой зоолог, сидя на скамейке против клетки Волчка.—Уж не способствует ли этому длительный искусственный сон?!“ И учёный опять заставлял спать волка по нескольку дней.

Огромный старый волк и сейчас живёт в зоопарке, перевалив через второй волчий срок жизни. И, странное дело, он стал выглядеть моложе и энергичнее!

Каждый год художник зоопарка тщательно исправляет возраст Волчка на его этикетке. Последний раз он исправил... возраст волка „19 лет“, на „20 лет“! Сколько ещё будет этих исправлений?!

Волчок сделался знаменитостью. Его фотографировали. О нём писали в газетах.

Опыты зоолога давно уже заинтересовали учёных. В одной из медицинских лабораторий восемнадцатилетнюю чуть живую собачку много раз подолгу заставляли спать, и она обросла заново шер-



стью, сделалась энергичной и бодрой, дожила до двадцати двух лет и, вероятно, ещё жила бы, если бы случайно её не задушила обезьяна.

Зоолог и Волчок подружились. Зверь позволял человеку гладить его через решётку, валился на бок и подобострастно поднимал огромную заднюю лапу.

„Совсем как мой бет-пак-далинский ручной волк“...—думал зоолог, глядя на Волчка и не подозревая, что был прав.

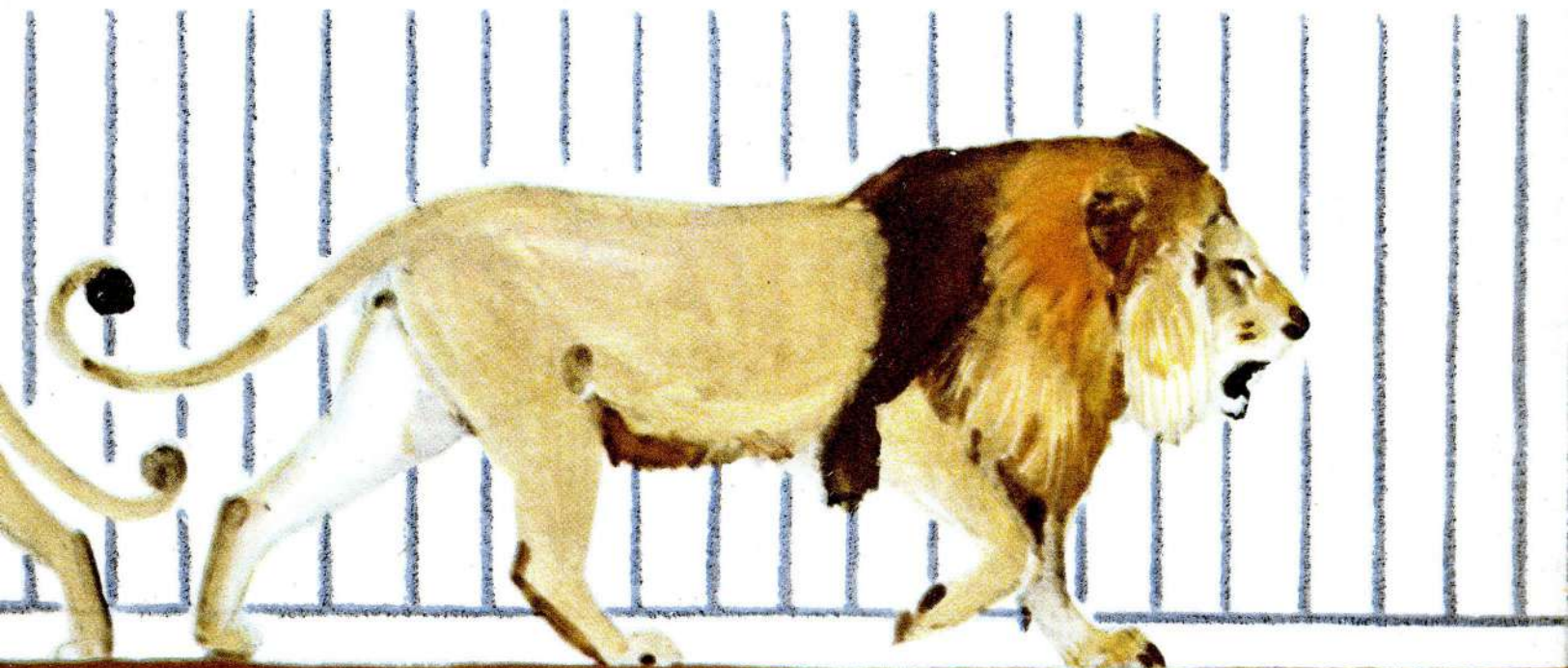
ДОРОГИЕ РЕБЯТА!

Напишите нам, понравилась ли вам эта книга.

В нашем издательстве выходили и другие книги писателя Зверева: „Орёл Азамата“ и „Белый марал“.

Читали ли вы эти книги?

Наш адрес: Москва, А-55, Бутырский вал, 68, Издательство „Малыш“.



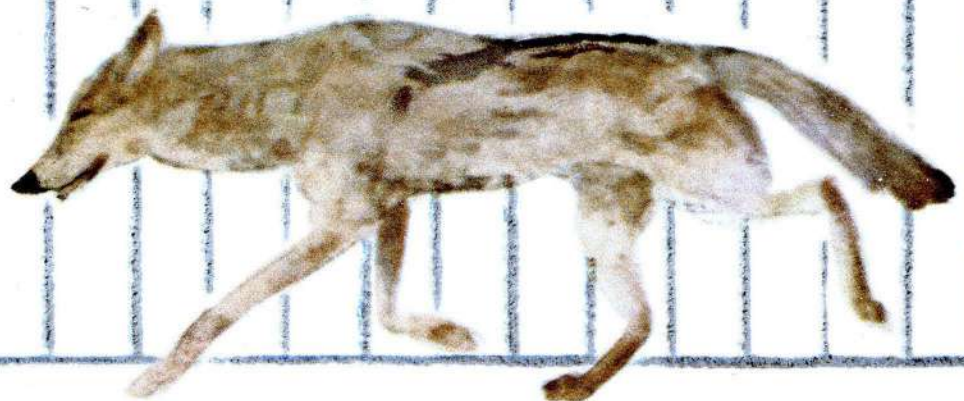
ДЛЯ СТАРШЕГО ДОШКОЛЬНОГО
И МЛАДШЕГО ШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА

Максим Дмитриевич Зверев
ВОЛЧОНОК ИЗ БЕТ-ПАК-ДАЛЫ
Художник Г. Е. Никольский

Редактор
Л. Архарова
Художественный редактор
Г. Коптелова
Технический редактор
Л. Власенко

Корректоры
Н. Сендерова и Н. Пьянкова
Подписано к печати 19/1-65 г. Бумага 60x90/8
Печ. л. 5 Уч.-изд. л. 3,64 Тираж 115 000
Заказ № 93 Изд. № 928

Издательство „Малыш“
Государственного комитета
Совета Министров РСФСР по печати
Москва, А-55, Бутырский вал, 68
Фабрика офсетной печати № 1,
Осташковское шоссе, д. 78



Цена 25 коп.